

Американская империя рушится БЫСТРЕЕ

| посол Час Фримен

Опосредованная война на Украине и агрессивная война против Ирана развиваются не так, как предполагалось, и вашингтонский истеблишмент охвачен паникой. Посол Час Фримен — бывший посол США в Саудовской Аравии и заместитель министра обороны — не считает, что эти ошибки являются частью более глубокой стратегии по ослаблению Китая, а видит в них результат множества отдельных провалов. Американская мощь, по сути, отступает, поскольку войны, санкции и истощённые арсеналы обнажают пределы доминирования. Он рассматривает Иран, Йемен, растущую самостоятельность Саудовской Аравии и выгоды Китая от энергетического кризиса. Вместе с Паскалем Лоттацем он обсуждает ослабление поддержки Израиля, дискуссию о нейтралитете Швейцарии и провалы НАТО. Их беседа исследует, могут ли совместная безопасность, региональные партнёрства и большая свобода для средних держав заменить конфронтацию, извлекая уроки из опыта АСЕАН и рассматривая перспективы дипломатии в меняющемся мире. Ссылки Часа: Substack Часа Фримена: <https://chasfreeman.substack.com> Книги и публикации: <https://chasfreeman.net/books-and-publications/> Ссылки Neutrality Studies: Substack Neutrality Studies: <https://pascallottaz.substack.com> Поддержать Neutrality Studies: <https://neutralitystudies.com/donate> Магазин Neutrality Studies: <https://neutralitystudies.com/shop> Временные метки 00:00 Иран, Йемен и расширяющийся региональный кризис 08:36 Америка отступает: военные и экономические издержки 15:26 Выгоды Китая и самостоятельность Саудовской Аравии 22:52 Ослабление поддержки Израиля 28:39 Дискуссия о нейтралитете Швейцарии 33:05 Может ли нейтралитет заменить конфронтацию? 37:10 Провал НАТО и будущее Украины 41:26 Меняющийся мир: АСЕАН и региональное сотрудничество

#Pascal

С возвращением, друзья. Сегодня в «Исследованиях нейтралитета» — свежий разговор с неизменно блестящим послом Часом Фрименом. Час, снова рады вас видеть.

#Chas Freeman

Спасибо. Рад снова быть здесь, Мэтт. Прошло немало времени.

#Pascal

Прошло уже немало времени, и мне очень хотелось бы немного узнать ваше мнение о том, куда, по вашей оценке, движутся те крупные международные конфликты, которые мы сейчас наблюдаем. Если начать с Ирана, то сейчас у нас, похоже, что-то вроде мнимой фазы этой

войны: ракеты либо почти не летают, либо не летают вовсе. Хотя есть атаки на некоторые танкеры, которые пытаются пройти. А в Йемене «Ансар Аллах» заметно продвигается вперёд. Так как вы оцениваете ситуацию в Западной Азии на данный момент?

#Chas Freeman

Что ж, я считаю, что ситуация между Саудовской Аравией и Йеменом очень серьёзная. Она обостряется. Но, думаю, это результат их собственных отношений. Это явление особого рода. Оно не происходит по инициативе Ирана. Оно не связано с более широким американо-израильским нападением на Иран и реакцией Ирана на него. Я уверен, иранцы рады блокаде саудовского судоходства, которую устроило движение «Ансар Аллах». Но это лишь блокада саудовского судоходства. Это не всеобщая блокада. Она касается только судов, принадлежащих Саудовской Аравии, направляющихся в Саудовскую Аравию или выходящих из неё, которые проходят через Баб-эль-Мандебский пролив. Это опасная ситуация. В неё втягиваются и другие. Сообщается, что саудовцы попросили Сирию предоставить наёмников для боевых действий в Йемене. Очевидно, что соглашение между Пакистаном, Саудовской Аравией и Турцией — это не союз, хотя именно так оно и называется.

Это не безусловное обязательство о взаимной помощи. Это обязательство о сотрудничестве и консультациях, которое действует при определённых условиях. Но оно уже было задействовано, и турки с пакистанцами, по сути, восполняют потребности Саудовской Аравии в обороне на территории королевства, пока саудовцы наращивают эскалацию против «Ансар Аллах» в Йемене. Разумеется, — и, думаю, турки и пакистанцы совершенно ясно это дали понять, — они не намерены и не считают себя обязанными вступать в войну за пределами территории Саудовской Аравии. Но именно это сейчас и происходит. Блокада Баб-эль-Мандебского пролива, конечно, дополнительно давит на цены на нефть из-за ограничений на саудовский экспорт. Нефтепровод «Восток — Запад», повреждённый иракскими ополченцами, которые, вероятно, действовали как минимум совместно с «Ансар Аллах», а возможно, и с Ираном, был отремонтирован. Судя по всему, он вновь перекачивает нефть в Янбу.

Но его нельзя безопасно экспортировать через Баб-эль-Мандебский пролив. Приходится идти через Суэцкий канал, а это значит — на меньших судах. И да, знаете, стоимость перевозок резко выросла. Аренда супертанкера сейчас обходится в один миллион четырёх тысяч долларов в день. Это потому, что так много... нет, просто очень много... Это стоимость фрахта. В неё, конечно, входит и вопрос страховки. Но главное — в Персидском заливе скопилось очень много танкеров. Сейчас некоторые из них выходят, как вы упомянули. И я подозреваю, что им помогает ВМС США. Но, думаю, в случае успешного выхода из Ормузского пролива они также расплачиваются с иранцами. Что именно происходит, неясно.

Заявления администрации Трампа о том, что всё вернулось в норму, — полная чушь. И это видно каждому по ценам на нефть и газ, особенно на дизельное и авиационное топливо, на заправках. Это опасная ситуация. Она продолжает обостряться. «Ансар Аллах» атакует

саудовские аэропорты и предупреждает авиацию, что воздушное пространство королевства небезопасно. Саудовцы ведут наступление. Судя по всему, они вновь взяли Моху — порт, откуда голландцы впервые начали экспортировать кофе. Поэтому по-английски кофе иногда называют «мокка». В общем, ситуация постоянно качается то в одну, то в другую сторону. На самом деле они не могут понять, что происходит. Что касается Ирана, я бы сказал, здесь всё гораздо яснее. Полный тупик. Администрация Трампа утверждает, что за кулисами идут переговоры. Я в этом сомневаюсь.

Прямых переговоров в любом случае никогда не было. Были переговоры при посредничестве Катара и Пакистана, но и они сорвались. Дональд Трамп говорит, что намерен бомбить Иран после промежуточных выборов. Непонятно, какое отношение промежуточные выборы вообще имеют к Ирану. Похоже, они имеют отношение к самому Дональду Трампу. Но до промежуточных выборов он Иран бомбить не будет. Однако сейчас его доверие настолько подорвано, что некоторые воспринимают его заявление о том, что он не будет бомбить Иран, как подтверждение того, что он как раз будет его бомбить. И мы не знаем. Военного решения здесь нет. А Скотт Бессент, министр финансов, вероятно, худший министр финансов за всю нашу историю — а это о многом говорит, — ведёт с Ираном войну на экономическое истощение. Он пытается оказывать на Иран максимальное давление с помощью санкций.

Это, конечно, та самая стратегия, которую раньше применили к Северной Корее. И она привела к созданию ядерного оружия, способного поразить Соединённые Штаты. Так что же мы делаем? Мы угрожаем уничтожить Иран — и эти угрозы Дональд Трамп озвучивает на Генеральной Ассамблее ООН, из всех возможных мест. Скотт Бессент заявляет, что собирается свергнуть режим с помощью санкций, ввергнуть Иран в нищету и так далее. В итоге мы подталкиваем Иран к разработке ядерных ракет, способных поразить Соединённые Штаты, которых у него сейчас нет. И, думаю, в этом отношении важно, что Корпус стражей исламской революции, КСИР, заявил о планах работать над увеличением дальности иранских ракет. До сих пор их дальность составляла около тысячи километров. Этого было достаточно, чтобы держать авианосные ударные группы на расстоянии и, конечно, наносить удары по Израилю.

#Chas Freeman

Теперь мы знаем, что ущерб, нанесённый американской военной инфраструктуре — в частности, авиации и ракетам, — был гораздо больше, чем признавал Пентагон. Есть доклад Исследовательской службы Конгресса, а также отчёты генерального инспектора. Они показывают, что число уничтоженных самолётов было как минимум вдвое выше официально признанного. Мы также слышали заявление министра иностранных дел Ирана Арагчи, человека с безупречной репутацией в плане правдивости. Он сказал, что доклад Исследовательской службы Конгресса занижает реальное число, и что на самом деле оно значительно выше. Так что ущерб был нанесён серьёзный. И посреди всего этого происходят некоторые долгосрочные процессы. До сих пор я говорил главным образом о краткосрочных вещах.

Долгосрочные последствия таковы. Во-первых, американские базы в Персидском заливе фактически эвакуированы и не функционируют. Нас оттеснили в Иорданию. Иордания неоднократно подвергалась ударам со стороны Ирана. Судя по всему, часть ущерба, о котором не сообщалось, пришлось на авиабазу Муваффака Салти в Иордании. Таким образом, Соединённые Штаты отступают. Сейчас мы также отступаем с базы Королевских ВВС Фэрфорд в Англии. Нам пришлось вывести оттуда бомбардировщики Би-один — примерно четверть всего нашего парка бомбардировщиков Би-один. Эти самолёты больше не производятся, и каждый стоит около трёхсот миллионов долларов. Поэтому они очень ценны. В Фэрфорде находилось двенадцать таких самолётов. Сейчас их, насколько я понимаю, перебазировали в Северную Дакоту. Итак, в военном отношении мы в целом отступаем в этой войне. Истощение запасов вооружений,

#Chas Freeman

Истощение боезапаса, как это называют, — то есть запасов вооружений для американских вооружённых сил, — стало крайне серьёзным. И это вызывает реальные вопросы в связи с угрозами Дональда Трампа возобновить массированные бомбардировки Ирана. Каждый раз, когда мы бомбим Иран, нам следовало бы получать благодарственное письмо от Ирана, Владимира Путина и Си Цзиньпина. Потому что мы ослабляем собственную способность иметь дело с любым из них военным путём. С экономической точки зрения, думаю, совершенно ясно: иранский народ привык к экономическим страданиям. Они способны выдержать гораздо больше, чем американцы или европейцы. Поэтому крайне маловероятно, что война экономического истощения сможет заставить Иран подчиниться нашей воле. И, конечно, никакой дипломатии нет. Потому что так называемый меморандум о взаимопонимании, который был согласован в начале лета, Соединённые Штаты, по сути, отвергли сразу после того, как Дональд Трамп подписал его в Версале в присутствии Макрона. Документ так и не был выполнен.

Иранцы говорят совершенно ясно. Президент Пезешкиан, министр иностранных дел Арагчи, другие представители власти, спикер иранского парламента Галибаф — все они дали понять, что считают Соединённые Штаты абсолютно не заслуживающими доверия и недостойными партнёрами для переговоров. Поэтому никакой дипломатии нет. Иран заявляет, что способен поддерживать состояние войны с Соединёнными Штатами от трёх до четырёх лет. Если это так, ущерб мировой экономике будет намного больше, чем тот, который она понесла до сих пор. До настоящего момента его смягчали главным образом высвобождение стратегических нефтяных резервов, а также способность Китая опираться на возобновляемые источники энергии и сокращать потребление за счёт перенастройки своих нефтеперерабатывающих заводов.

Китай подготовился к энергетическому кризису так, как не подготовилась ни одна другая страна. Но у китайцев уже почти не осталось возможностей для дальнейшего сокращения

потребления. Поэтому, думаю, будущее крайне неопределённо. Единственное, в чём можно быть уверенным, — и на этом я завершу свои, наверное, слишком затянувшиеся комментарии, но ситуация сейчас очень сложная, — это то, что инфляция теперь поражает мировую экономику. Американские избиратели очень остро её ощущают. Война с Ираном крайне непопулярна. Республиканские избиратели, которые на предыдущих выборах активно приходили голосовать в поддержку Дональда Трампа и своей партии — или, точнее, партии, над которой он установил диктатуру, — превратились фактически в культ.

Избиратели-республиканцы совсем не воодушевлены перспективой голосования. Многие из них жалуются: они голосовали за Дональда Трампа, а он обещал одно, но сделал прямо противоположное. Он обещал мир — а принес войну. Обещал взять инфляцию под контроль — а сам ее разогнал. Обещал реиндустриализацию Соединенных Штатов — но этого не добился. Его пошлины, его войны тяжело ударили по обычным людям. Многим из них трудно просто сводить концы с концами. Его налоговая реформа обогатила плутократию, тот самый один процент, за счет всех остальных. И в стране царит общее чувство уныния. Демократы твердо намерены голосовать против Трампа. Он говорил, что это референдум о нем, а потом заявил: нет, это не референдум о нем, и ему все равно, что это такое. Как обычно, он пытается усидеть на двух стульях.

Итак, до третьего ноября, дня выборов, остаётся всего несколько недель. Двадцать седьмого октября в Израиле пройдут выборы. И они, похоже, совсем не обещают быть значимыми, потому что все кандидаты поддерживают геноцид, этнические чистки и агрессию против соседей Израиля. Какие бы вопросы они ни обсуждали, всё происходит именно в этом контексте. Половина израильских избирателей поддерживает геноцид, и, по-видимому, восхвалять его достоинства — это хорошая политическая стратегия. Члены Кнессета заявляют, что убивать палестинских младенцев морально оправданно, потому что они вырастут террористами. Знаете, по ожесточённости этой риторики она, честно говоря, заставляет нацистов выглядеть менее жестокими. Так что это ужасный кошмар. И вы, вероятно, уже очень жалеете, что пригласили меня об этом говорить.

#Pascal

Нет, не являюсь. И знаете, в моей программе вы можете говорить столько, сколько захотите. Я действительно ценю такой анализ, потому что сейчас мир — не самое хорошее место. Но сейчас мне хотелось бы спросить о двух вещах. За последние пару недель мне довелось поговорить с несколькими китайскими коллегами и с людьми, которые тоже много времени проводят в Китае. И один из них сказал, что каждый пекинский таксист воспринимает войну Соединённых Штатов против Ирана как удар, на самом деле направленный против Китая, — чтобы поднять цены на нефть и так далее. А другой, Чжан Вэйвэй, тоже сказал: «Послушайте, мы более или менее уверены, что это связано с нами. Но Соединённые Штаты, по сути, губят

собственный подход. И на деле они скорее дают Китаю больше времени, чем отнимают его. Потому что Китай не настолько зависит от мировых энергетических рынков и не настолько уязвим перед ними, как предполагали Соединённые Штаты».

Возможно, это одна из причин, почему Китай, по сути, попытался показать: смотрите, мы можем сократить потребление и при этом всё равно нормально жить. Что вы об этом думаете? Это первый вопрос. И второй. Поскольку вы были послом в Саудовской Аравии, насколько вообще независимо правительство Саудовской Аравии в вопросах войны и мира? Я разговаривал с одним сирийским коллегой, и он сказал примерно следующее: мол, вся эта история о том, что Саудовская Аравия сама по себе атаковала тот самолёт, возвращавшийся из Ирана, — полная бессмыслица. Это конфликт против Йемена, спровоцированный и предписанный Соединёнными Штатами. Что вы об этом думаете?

#Chas Freeman

Что ж, я думаю, в обоих случаях это преувеличенные представления. Мне кажется, китайцы во многом сейчас так же подозрительны, как и американцы, когда речь идёт о происках Соединённых Штатов. Да, в Соединённых Штатах есть люди, которые по наивности считают, что нападение на Иран было как-то связано со стремлением ослабить влияние Китая в Западной Азии или вообще в мире. Но если это действительно было целью, то они глубоко ошибались. Потому что одним из главных выгодоприобретателей этой войны стал именно Китай. Для его технологий в сфере возобновляемой энергетики и электромобилей открылся огромный новый рынок. Продажи и того, и другого стремительно растут — настолько, что немецкая автомобильная промышленность теперь оказалась под серьёзной угрозой.

Немного странно видеть, как «Порше» повышает цены на автомобили, хотя их теснят более совершенные китайские электромобили. Я имею в виду, не думаю, что повышение цен — это очень удачный маркетинговый ход для немецких покупателей. Но, возможно, я неправильно понимаю немцев. Когда я в последний раз был в Германии, у меня сложилось впечатление, что они фанатично бережливы и очень внимательно относятся к своим деньгам. В любом случае, я думаю: если в Соединённых Штатах действительно были люди, которые соглашались с вашими китайскими собеседниками, что всё это каким-то образом направлено против Китая и должно повысить цены на энергию в Китае.

Как вы сказали, таксисты утверждают... Мне всегда нравится разговаривать с таксистами, но я не считаю их надёжными политическими аналитиками. Так что, думаю, на этом всё. Что касается независимости Саудовской Аравии, то сейчас она гораздо более независима, чем когда-либо прежде. У неё есть собственная субъектность. Мы уже говорили об изменениях в мировом порядке. Они усиливают субъектность, автономию, независимость и свободу манёвра таких держав среднего уровня, как Саудовская Аравия. И, думаю, это особенно ясно отражается в энтанте, о которой я говорил, между Пакистаном, Турцией и Саудовской Аравией. Как говорят французы, это не то, чем можно пренебречь.

Таким образом, это серьёзный вопрос, который объединяет пакистанский ядерный арсенал, привилегированное положение Пакистана в вопросах китайских военных технологий и избыток рабочей силы в Пакистане — с Саудовской Аравией, которая обычно богата капиталом. Сейчас Саудовская Аравия уже не так богата капиталом, потому что страдает от потери нефтяных доходов. Нефть и газ составляют примерно пятьдесят шесть процентов экономики Саудовской Аравии. Так что потеря этих доходов — вовсе не мелочь. И сюда же подключается Турция, у которой одни из самых мощных вооружённых сил в мире и развитая промышленность. Так что же это такое? Это не организация коллективной безопасности. У неё нет обозначенного противника.

У него нет единого общего командования. Есть генеральный секретарь, но пока не вполне ясно, чем именно он, пакистанец, будет заниматься. Эта структура скорее находится в стадии становления, чем уже созрела. Так что это система кооперативной безопасности. По сути, она заменяет утраченную способность Соединённых Штатов управлять делами в Западной Азии, и особенно в Персидском заливе. Именно так её воспринимают участники. Те, кто стремится к ней присоединиться, в том числе, что особенно заметно, Катар, а также Египет, который пока лишь заигрывает с этой идеей, и другие, видят её в том же свете. Это противовес проекту «Великий Израиль», балансирующий фактор, а значит, сила, сдерживающая израильскую агрессию. Это также противовес Ирану. Но Иран приветствовал эту инициативу, потому что она действительно означает устранение американского влияния из региона.

И у Ирана вполне может быть с этим какое-то взаимодействие. Возможно, это будут просто консультации — такие же, какие Египет проводил с теми же тремя странами: Пакистаном, Саудовской Аравией и Турцией — по таким вопросам, как Палестина и война с Ираном. А возможно, речь пойдёт о полноценном членстве. Пока это неясно. Но ясно другое: это означает закат американского военного присутствия и влияния в Персидском заливе и в Западной Азии в целом. И в завершение скажу вот что. Страны Персидского залива... Иран первым отказался от западной опеки сорок семь лет назад, во время Исламской революции.

Остальные теперь вслед за Ираном дистанцируются от западного доминирования. Никто из них не хочет, чтобы им указывал иностранный покровитель — ни западный, ни китайский, ни индийский, ни российский. Они стремятся к стратегической автономии и, на мой взгляд, имеют хорошие шансы её добиться. Это часть общей тенденции, и Израиль не является исключением. Израиль тоже разочарован в иностранных покровителях, прежде всего в Соединённых Штатах, где он последовательно теряет позиции. Сейчас в Соединённых Штатах развёрнута масштабная кампания хасбары, то есть оправдательной пропаганды. Израильцы щедро её финансируют, пытаясь замедлить или обратить вспять ухудшение репутации Израиля. Но цифры говорят сами за себя.

Сейчас лишь очень немногие в Демократической партии относятся к Израилю положительно. Даже республиканцы, которые сейчас в меньшинстве, поддерживают Израиль. А независимые

избиратели в этом вопросе ближе к демократам, чем к республиканцам. То есть мы говорим об ослаблении внешней поддержки Израиля. При этом большинство израильтян — и уж точно Биньямин Нетаньяху — понимают, что выживание Израиля зависит от зарубежной, и прежде всего американской, поддержки. Нетаньяху выдвигал разные предложения превратить Израиль в своего рода независимую Спарту. Но эти идеи не вызывают большого доверия и широко считаются неосуществимыми. Таким образом, Израиль очень многое теряет из-за собственного успеха в том, что ему удалось убедить Дональда Трампа присоединиться к нападению на Иран.

Иммиграция достигла исторического максимума. Мы видели редакционную статью в «Хаарец», замечательной израильской газете. В ней израильтян, эмигрировавших из страны, призывают вернуться и проголосовать, чтобы спасти израильскую демократию. То есть спасти демократию для израильских евреев. Это, как демократия для африканеров и английских поселенцев в Южной Африке, была реальная демократия, но она исключала большинство. В случае Израиля — палестинское население, равное по численности. Мы также видели, как ультраортодоксы осуждают государство Израиль за его ошибки, причём в весьма резких выражениях. В этом нет ничего необычного. У меня, например, есть друзья — ортодоксальные евреи в Соединённых Штатах, и они придерживаются того же мнения. Но в контексте избирательной кампании и всего давления, под которым находится Израиль, это, очевидно, вызвало яростную реакцию со стороны фашистского правого крыла в Израиле.

В то же время, по мере того как возможности Израиля сужаются, а его стратегическая поддержка ослабевает, мы сталкиваемся с извращённой реальностью: Израиль ещё больше усиливает геноцидную риторику. Как я уже говорил, там называют моральным убийство младенцев в Газе — и ещё сильнее углубляют геноцид. Предполагалось, что Израиль выведет войска из Газы, а взамен ХАМАС согласится разоружиться. Но вместо этого Израиль теперь захватил семьдесят процентов территории Газы и оккупирует её военными силами. И каждый день убивает людей. Он также нарушает так называемое прекращение огня в Ливане. Он аннексирует земли в Сирии. Израиль стал более воинственным, более геноцидным, более смертоносным и более амбициозным, чем когда-либо, хотя, на мой взгляд, реалист оценил бы его будущее как всё более сомнительное.

И, думаю, главная потеря, которую израильтяне понесли во всём этом, — это потеря надежды. Потеря уверенности в том, что их страна способна выжить. Осознание того, что она, подобно двум государствам крестоносцев одиннадцатого и двенадцатого веков, вполне может исчезнуть, если лишится иностранной поддержки или если мир за её пределами проявит безразличие к её выживанию. Так что, думаю, эта война оказалась очень плохой для Соединённых Штатов, для Ирана, но прежде всего — для Израиля. И она существенно продвинула интересы Китая, несмотря на критику со стороны таксиста. Она меняет мир.

Трёхсторонняя Антанта, о которой я говорил, — замена американского управления геополитическим порядком в Персидском заливе и Западной Азии силой, организованной самими государствами региона, — это действительно очень интересно.

Я вижу исторический прецедент в возникновении АСЕАН как форума для решения вопросов Юго-Восточной Азии — независимо от поражения Соединённых Штатов во Вьетнамской войне или в войнах в Индокитае в шестидесятые и семидесятые годы. И поэтому, как мы с вами уже обсуждали, мне кажется, мы наблюдаем формирование мирового порядка, в котором страны среднего размера, малые страны и более крупные государства — все сосредоточены на собственных интересах и не подчиняются диктату великих держав. В каком-то смысле сюда можно было бы отнести и Украину. И единственное исключение, к сожалению, — ваша собственная страна, Швейцария. Она, на мой взгляд, неразумно присоединилась к НАТО в вопросе санкций против России, поддержав это на референдуме. Вы можете мне это объяснить? Я не могу этого понять.

#Pascal

Последние три с половиной года я занимался этим референдумом, точнее, подготовкой к нему. И я, конечно, был яростным сторонником этой идеи. Я выступал перед людьми в Берне. Мы убедили себя, что это может сработать. Но мы проиграли — тридцать на семьдесят. Мы проиграли со счётом тридцать на семьдесят, потому что другая сторона сумела убедительно представить всё в ином свете. На самом деле речь шла о том, чтобы закрепить в нашей Конституции определение швейцарского нейтралитета — более строгое определение, включая вопросы нейтралитета и санкций. Но другая сторона успешно превратила это в референдум о том, поддерживаешь ты Владимира Путина или выступаешь против него.

Они свели всё к нему — и вполне успешно. Итак, у нас есть неопровержимое доказательство: семьдесят процентов людей в Швейцарии выступают за продолжение нынешнего курса, то есть за введение санкций против России. При этом туда даже не входит вопрос о том, учитываются ли санкции против Ирана, США или кого бы то ни было ещё. Но за это — семьдесят процентов. И, конечно, именно это Россия теперь называет не нейтральным действием. Владимир Путин, собственно, сказал об этом на «Валдае»: они воспринимают это как, знаете, не нейтральный акт. А швейцарцы всё продолжают говорить: «О, но мы же нейтральны в военном отношении». Но, конечно, русским до этого нет никакого дела.

#Chas Freeman

Ну, знаете, полагаю, это прямое следствие того, что Швейцария входит в немецкое, французское и, возможно, итальянское медиапространство, а также следствие ожесточённой информационной войны, сопровождавшей это ужасное надругательство над Украиной и украинцами — во имя своего рода донкихотского броска на русскую мельницу, которую приняли за великана. Всё это, знаете, усилило русофобию до степени, которая кажется мне

совершенно невероятной. Знаете, нашего друга Иэна Трауда, когда он вернулся с «Валдая», о котором вы упомянули, остановили и задержали в аэропорту Хитроу. У него конфисковали ноутбук, телефон и всё остальное. Полагаю, сейчас ему это уже вернули.

Но это поразительно. Для такой страны, как Соединённое Королевство, с её славной историей поддержки свободы слова, страны, давшей миру Джона Стюарта Милля, — превратиться в тоталитарное государство весьма необычно. И это подтверждает мысль, которую мы уже обсуждали. Исторически британцы были заинтересованы в разжигании русофобии, потому что не хотели, чтобы Россия могла противостоять их способности разделять и манипулировать европейской политикой. Они хотели исключить русских из приличного общества и потому изображали их какой-то азиатской ордой, лишённой совести. Любой, кто хоть какое-то время провёл в России... Я никогда не был в Советском Союзе.

Я рад, что пропустил тот период российской истории. Но любой, кто проводит время в России, увидит высокий уровень культуры и очень сильную ориентацию на Запад. Даже если русские считают себя отдельной цивилизацией. И здесь я просто скажу: меня возмущает, что Марко Рубио стоит перед афинским Акрополем и произносит речь, утверждая, будто все зверства, которые сейчас совершают Соединённые Штаты, каким-то образом совершаются в защиту западной цивилизации. Если западная цивилизация — это геноцид в Газе и отказ разговаривать с противниками, тогда я не хочу иметь с ней ничего общего. И всё это напомнило мне знаменитое высказывание Махатмы Ганди, когда он приехал в Лондон. Его спросили, что он думает о западной цивилизации. Он ответил: «Думаю, это была бы хорошая идея». Очень хороший ответ.

#Pascal

Можно я спрошу вас о, знаете, вечной теме — или, возможно, о названии моего канала? О нейтралитете, который я тоже изучаю. Но печальный вывод, к которому я пришёл, таков: сегодня главным — не просто препятствием, а врагом — нейтральных решений в мировых делах является, конечно, западный военный альянс НАТО. Он постоянно пытается использовать приграничные государства как оружие против других, вместо того чтобы выстраивать структуры безопасности вокруг общих пространств безопасности и тому подобного. Но сейчас мы приближаемся к моменту, когда, как вы сказали, Соединённые Штаты отступают. Производственные возможности США и НАТО по выпуску этих средств войны сокращаются.

В какой-то момент до них, возможно, просто дойдёт, что это уже не та игра, в которую они могут играть. И что Соединённые Штаты и НАТО могут стать более восприимчивыми к такой идее: хорошо, если мы не можем доминировать там, давайте хотя бы не позволим русским доминировать там. И создадим структуру с буферными государствами. И знаете, Владимир Путин на «Валдае» прямо сказал — его спросил Лукьянов: «Нейтралитет Украины всё ещё остаётся нашей целью?» И он ответил примерно так: «Да, остаётся». Так что неизбежность

того, что остальная Украина — то, что от неё останется, — станет буферным государством... Как вы думаете, в какой-то момент Запад действительно скажет: может быть, это наименее плохой из возможных вариантов?

#Chas Freeman

Ну что ж, не унывайте, Паскаль. Думаю, наступит день, когда нейтралитет признают полезным средством против международных конфликтов.

#Pascal

Позвольте мне сделать пару замечаний.

#Chas Freeman

Прежде всего, неприсоединение умерло, потому что присоединяться теперь не к чему и не против кого. Нет больше биполярного порядка, от которого нужно было бы уходить. Сейчас существует то, что часто называют многополярным порядком. Я предпочитаю говорить «многоузловой», потому что, на мой взгляд, полюс — это конечная точка. А мы имеем дело с гораздо более сложной реальностью, чем просто некое нагромождение двусторонних отношений между странами. Как я уже говорил, страны теперь способны маневрировать. Мы живём в эпоху дипломатии манёвра. И в таком контексте нейтралитет приобретает большой смысл. Так что, знаете, во времена холодной войны мы пришли к смешению стратегического и идеологического противостояния. И со временем начали считать, что идеологические убеждения сами по себе являются стратегией, а стратегия неотделима от идеологии.

Но, знаете, поскольку я участвовал в процессе открытия Китая, я считаю, что самым важным положением в китайском коммюнике было утверждение о том, что у Соединённых Штатов и Китая разные социально-экономические системы и разные идеологии. Тем не менее мы можем сотрудничать в тех вопросах, где наши интересы совпадают. И, как мне кажется, мы вступаем в период, когда государства действуют как узлы — то есть как трёхмерные или четырёхмерные объекты с разной степенью связи друг с другом в сети. Это не набор полюсов. Это сеть. И узлы в этой сети — одновременно связующие элементы и источник её динамики. В любом случае, в таком контексте сотрудничество в сфере безопасности становится вполне возможным.

И вот, возвращаясь к вашему родному континенту, к Европе, я думаю, что НАТО как организация коллективной безопасности потерпела неудачу. Она совершила очень жестокие, недопустимые вещи по отношению к украинцам и Украине. У НАТО есть горячие, фанатичные сторонники в странах Балтии. В частности, поляки иногда слишком уж эмоционально настроены на конфронтацию с Россией. Но, знаете, я думаю, что провал коллективной безопасности может привести к новому шансу для безопасности на основе сотрудничества. В

конце холодной войны мы создали такую систему — программу «Партнёрство ради мира». Россияне сочли её приемлемой, они ею восхищались. Её частью был Совет Россия — НАТО, который давал России определённую роль в управлении европейскими делами.

Это было жестоко отвергнуто Западом. Думаю, Россия хотела стать частью Запада. Во всяком случае, я полагаю, этого хотел Владимир Путин, но ему отказали. И поэтому Россия оказалась в положении Турции, которая тоже триста лет пыталась стать более европейской — лишь для того, чтобы столкнуться с отказом. В её случае причиной была, по сути, неприязнь к исламу, исламофобия. Есть и другие факторы, но это главный. В результате Европа, вместо того чтобы быть единой и свободной, разделена и скована блоками. Мы видим российское вторжение на Украину, которое медленно продвигается вперёд. Украина проявила поразительную стойкость и изобретательность.

И, к несчастью для украинцев, они — родственники русских, которые проявили такую же изобретательность и стойкость. И вот мы видим Украину. Украину, которая, похоже, выйдет из этого конфликта в таком виде, что всем нам стоит беспокоиться. Потому что у неё вполне может не остаться побережья Чёрного моря. У неё может не быть связи с Европой. Она не соответствует критериям вступления в Европейский союз ни по одному пункту. Уровень коррупции слишком высок. Нехватка демократии и гражданских свобод слишком велика. Объём субсидий, который потребуется от остальной Европы, слишком велик. Французские фермеры и другие, кто защищает своё сельское хозяйство, не позволят, чтобы лучшие сельскохозяйственные земли Европы вошли в состав Евросоюза. И в итоге мы можем получить Украину, которая...

#Chas Freeman

Несостоявшееся государство, которым управляет реваншистский ультранационалист с Западной Украины. Если, конечно, другие просто не разделят Украину между собой — как уже бывало в европейской истории. Такое вполне можно представить. В любом случае совершенно ясно: эксперимент, основанный на совпадении стратегии, идеологии и структур коллективной безопасности, не принёс мира. Напротив, он привёл мир в смятение. Кстати, я не думаю, что американская попытка установить гегемонию в Западном полушарии тоже увенчается успехом. Я с большим интересом слежу за выборами в Бразилии. Считаю их очень важными. Их исход решается не на основе международных вопросов. Хотя молодой Болсонару, соперник Лулы, как он сам говорит, привержен примерно таким же подбострастным отношениям с Дональдом Трампом и Соединёнными Штатами, какие проводил Милей в Аргентине.

В отличие от Лулы. Но всё решается на основе внутренних вопросов. Я думаю, что и промежуточные выборы в Соединённых Штатах будут решаться внутренней повесткой, а не внешней политикой. Хотя внешнеполитические вопросы имеют внутренние последствия, и для людей они очень болезненны. Так что, думаю, мы наблюдаем формирование совершенно другого мира. В нём, особенно у держав среднего уровня, есть большая свобода манёвра. Это

видно по турецко-пакистано-саудовскому альянсу. Это видно и по АСЕАН, в которую входит Индонезия — будущая сверхдержава. И, знаете, Запад — это примерно двенадцать процентов населения планеты. То есть восемьдесят восемь... простите, семьдесят восемь... восемьдесят восемь, простите, восемьдесят восемь процентов — не западные. И, знаете...

#Chas Freeman

И вновь, одно из моих возражений против концепции многополярности состоит в том, что она, по сути, означает отказ от биполярности. То есть утверждение, что биполярность больше не работает. Это правда. Мир больше не разделён на Восток и Запад. Возможно, он разделён на Север и Юг. Или на бывшие имперские державы и их бывшие колонии, которые теперь весьма уверенно отстаивают свою независимость. Но, думаю, мы находимся в переходной фазе. Мы начинаем видеть некоторые последствия этого. И одно из них — то, о чём я в некотором смысле сожалею, хотя и признаю, что это необходимо: роль организаций с универсальным членством, таких как Организация Объединённых Наций, становится менее значительной.

И теперь мы видим добровольные организации с ограниченным числом участников, которые возникают, чтобы компенсировать неспособность ООН оправдать их ожидания и предоставлять нужные им услуги. Есть Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС и ВРЭП в Юго-Восточной Азии, а также это, как его там называют, Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве — с совершенно невозможным длинным названием, — в котором Япония взяла на себя ведущую роль. Так что это мир, очень непохожий на тот, в котором выросли вы и я. Впрочем, вы, думаю, достаточно взрослый, чтобы застать и предыдущий мир.

#Pascal

Да, но, знаете, может быть, это даже и неплохо. В конце концов, много крыш — это тоже хорошо для сна. Не всем обязательно находиться под одной крышей, лишь бы они не вступали друг с другом в конфликт. И ведь именно этого мы на самом деле не видим, верно? Мы не видим, чтобы эти разные структуры конкурировали между собой. Даже Шанхайская организация сотрудничества и БРИКС не конкурируют. Они действуют на разных уровнях. Так что... да, я согласен. Или, скорее, речь о структуре, верно?

#Chas Freeman

И снова, я думаю, АСЕАН здесь идёт впереди. Это очень важный экономический блок. Сейчас в нём одиннадцать членов — после принятия Тимора-Лешти. И у него есть партнёрство по диалогу с Китаем, со всеми. Это зона мира и безопасности, и это весьма впечатляет. Можно сказать: да, АСЕАН не пришла к интеграции по типу Европейского общего рынка. Но посмотрите на Европейский общий рынок — он терпит неудачу. Так что же будет делать Европа? Ей нужно что-то предпринимать.

#Chas Freeman

#Chas Freeman

Так, как сейчас, продолжаться не может. Это гораздо меньше, чем сумма составляющих. И, знаете, возможно, Швейцария в каком-то смысле уже отказалась от своего нейтралитета и духовно присоединилась к Европейскому союзу, пусть и не формально. Но что такое Европейский союз? Знаете, я вижу в Европе правые партии — «Альтернатива для Германии» в Германии, а также «Национальное объединение» во Франции. Они бросают серьёзный вызов унаследованной европейской идентичности, которая, по сути, так и не укоренилась.

#Pascal

Нет, совершенно точно. И я не считаю, что другие регионы мира вообще должны пытаться подражать Европейскому союзу. Формат АСЕАН — гораздо более удачный образец. И знаете, два года назад посол Индонезии — точнее, посол АСЕАН — сказал мне: когда они приезжают в Японию и ведут переговоры с Японией от имени АСЕАН, они настаивают, чтобы для Мьянмы оставляли пустой стул, потому что сейчас членство Мьянмы приостановлено.

#Chas Freeman

Конечно. Конечно, это инклюзивный механизм. И он очень эффективен. Я помню, в Вашингтоне всегда был назначенный представитель АСЕАН. Это означало, что одна из десяти стран, которые тогда входили в АСЕАН, представляла общую позицию на переговорах. И иногда, знаете, такая страна, как Сингапур, — небольшая, но влиятельнее, чем можно было бы ожидать от её размера, благодаря качеству мышления и государственного управления. Так вот, если у Таиланда возникала проблема, а представителем АСЕАН был Сингапур, тайцы просили сингапурцев пойти на переговоры и изложить их позицию. И это приносило им огромную пользу.

Итак, это модель сотрудничества на основе взаимных уступок. Свободное объединение, ограниченное рамками своей интеграции и отношений с великими державами. Думаю, такая модель очень привлекательна. В Южной Африке есть, или была, похожая организация — САДК, Сообщество развития Юга Африки. Разумеется, в ней доминирует Южная Африка, региональная сверхдержава. Я вижу и в Африке интересные процессы. Возникают подгруппы. Некоторые из них, вероятно, появляются по не совсем правильным причинам — или как реакция на французский неокOLONиализм в Западной Африке. Ведь франкоязычная Африка так и не обрела полной независимости из-за франка КФА, который привязывал все финансовые потоки к Парижу.

И теперь мы видим там, в Сахеле, новые объединения. Мы видим, как Нигерия становится настоящей силой на континенте, в некоторых отношениях способной уравновесить Южную Африку. Мы видим Эфиопию, которая, хотя там идёт гражданская война в Тыграе — трагическая ситуация, — тоже становится важным игроком. Кению и другие страны. Кстати, я всегда высоко ценил суждение Джулиуса Ньерере, основателя Танзании. В Танзании при нём было однопартийное государство. Запад обвинял его в том, что у него однопартийное государство, а он сказал: «Ну, в Соединённых Штатах тоже однопартийное государство. Это была типично американская расточительность: они разделили её на две. Не так уж это и здорово».

#Pascal

Однопартийная система. Да. Посол Фримен, Час, думаю, на этом стоит закончить, потому что мы, можно сказать, совершили кругосветный обзор. И я полностью с вами согласен. По-моему, мы действительно видим некоторые обнадеживающие признаки: региональные договорённости и попытки заполнить возникший вакуум. Хотя общая картина всё ещё мрачная — особенно в Газе, а также для множества людей, которым приходится погибать в этих прифронтовых государствах, где идёт война. Час, где людям лучше всего следить за вами? Куда бы вы хотели направить всех?

#Chas Freeman

Ну, знаете, я хотел полностью уйти от участия в общественных делах, но у меня это не получилось. Время от времени я всё же выступаю с речами и публикую их на «Сабстаке». Он называется «Чэс Фримен» — это название моего «Сабстака». Я также выкладываю там немало материалов, связанных с тем, что я делал много лет назад. И, надо сказать, содержащиеся в них прогнозы на удивление хорошо подтвердились. Так что я продолжу этим заниматься. Сейчас я пишу материал для конференции в Циндао, в провинции Шаньдун, по другую сторону от вас, в Японии. Я пытаюсь включить в этот анализ кое-что из того, что мы обсуждали сегодня вечером — по моему времени, а у вас днём, утром. Хочу также увязать с этим инициативу «Один пояс, один путь» и другие вопросы. Пока у меня с этим есть некоторые трудности, я над этим бьюсь. Но надеюсь, что текст будет стоить прочтения и появится на «Сабстаке».

#Pascal

Я уверен, это будет замечательное чтение. Ссылку на ваш «Сабстак» и другие ваши публикации я оставлю в описании ниже. Посол Час Фримен, большое спасибо, что уделите мне сегодня время.

#Chas Freeman

Что ж, спасибо, Паскаль.